

Переведя дух и отдохнув один день на угольной шахте Шэньгань, Сун Чжиши собрал свои скромные пожитки и отправился в ансамбль песни и пляски.

Хотя коллектив и числился за шахтой, его база располагалась в уездном центре, так что добираться туда от посёлка пришлось приличное время.

Территория ансамбля оказалась небольшой — с виду обычное типовое госучреждение тех лет. Позади главного корпуса раскинулся просторный плац для тренировок, у края которого высились два трёхэтажных общежития: мужское и женское. Хоть корпуса и стояли практически вплотную друг к другу, заводить тайные романы никто не осмеливался.

Во-первых, сказывалось само время — суровое, целомудренное. Молодёжь робела: стоило парню перекинуться парой лишних слов с девушкой, как над ними тут же принимались беззлобно подшучивать. Во-вторых, устав в ансамбле царил железный, и за моральным обликом подопечных следили строго. Поймают на тайных свиданиях — и пиши пропало, сразу исключат из труппы.

В балетной труппе эти ограничения ощущались особенно остро. Для девушек тело было главным рабочим инструментом. Стоило выйти замуж и обзавестись детьми — прощай, бывшая форма, а с ней и сцена. Не захочешь, а придётся уйти, поэтому ради карьеры все держали чувства на замке.

В этот раз в балетную труппу набрали троих юношей и семерых девушек. Диспропорция бросалась в глаза. Вместе со старожилами коллектив теперь насчитывал двадцать одного человека.

Новичков расселили по комнатам на шесть мест. Благодаря перекосу в составе, Чжиши и двое других парней получили в единоличное распоряжение целую спальню.

А вот Чжу Луше повезло куда меньше. Слухи о том, что она приходится племянницей суровой капитану Чжу, разлетелись мгновенно. Все боялись, что девчонка станет выискивать чужие промахи и доносить тётке, поэтому селить её к себе никто не желал. Поскольку оставшихся новеньких девушек набралось ровно шесть, они сплотились и единодушно выставили Лушу за дверь, вытеснив её к старожилам.

Те «старшие» приехали в ансамбль меньше года назад, однако уже успели сколотить свой закрытый кружок. С тяжёлым, капризным характером Луши ужиться с ними будет непросто — тёплым приёмом там и не пахло.

Сун Чжиши вздохнул с облегчением. Раз уж нашлись те, кто сможет урезонить эту девицу, ему же лучше. Сам он мечтал лишь об одном — пережить эти непростые годы в тишине и покое, не ввязываясь в лишние дразги, источником которых вечно становилась Чжу Луша.

Подойдя к дверям своей комнаты с чемоданом, Чжиши застал соседей за уборкой.

Обстановка оказалась спартанской: обычная вытянутая комната, стены которой побелили совсем недавно — в воздухе ещё висел тонкий известковый запах. Вдоль стен выстроились двухъярусные железные кровати с изрядно облупившейся краской, но прочные на вид. На спинках уже белели бумажки с именами жильцов.

Сун Чжиши отыскивал своё имя. Ему достался отличный вариант — верхняя полка у самого окна. На матрасах лежало казённое бельё: белоснежные простыни со штампом ансамбля и сложенные аккуратными конвертами армейские зелёные одеяла.

Заметив, что соседи не спешат проявлять инициативу и помалкивают, Чжиши тоже навязываться не стал. Не трогая пока постель, он отыскал свой платяной шкаф и принялся неторопливо раскладывать вещи.

Оставшиеся в комнате Пэн Сутао и Чжоу Хэпин украдкой переглянулись. Наконец Сутао набрался смелости, шагнул вперёд и заговорил первым:

— Э-э, товарищ Сун, привет. Я Пэн Сутао. Мне двадцать четыре, я из уезда Юйань.

Юйань, как и Шанъян, входил в округ Хэло, но лежал на самой его глухой окраине.

— А я... я Чжоу Хэпин, восемнадцать лет. Местный, из Шанъяна, — торопливо вставил паренёк, собрав волю в кулак.

— Теперь мы коллеги. Давайте ладить и помогать друг другу, — добродушно добавил Пэн Сутао.

Оба заметно нервничали — ладони у них так и вспотели от напряжения.

С тех пор как тайна происхождения Сун Чжиши всплыла наружу во время отбора, парни пребывали в постоянной тревоге. Они со страхом ждали заселения, уверенные, что изнеженный барчук окажется капризным и невыносимым соседом, а их жизнь превратится в ад.

Чжиши прекрасно видел их скованность, но пускаться в долгие объяснения не стал. Время всё расставит по местам, а дела скажут лучше слов. Рано или поздно они поймут, что бояться им нечего.

— Меня зовут Сун Чжиши, мне двадцать. И я...

Он на мгновение запнулся. По рождению он принадлежал провинциальному центру, но после того, как его выдали за Гу Хуая, его прописку перенесли в Фуци. Формально называть себя городским он больше не имел права.

— Я из уезда Фуци.

Юный Чжоу Хэпин, отличавшийся простоватым и прямым нравом, удивлённо моргнул:

— А разве вы не из столицы провинции?

Лишь произнеся это вслух, парень испуганно прикусил язык. До него дошло: скорее всего, из-за неблагонадёжного классового происхождения семье Сун пришлось пойти на хитрость с документами.

Сам Чжиши отнёсся к этому спокойно. Захоти он скрыть своё прошлое, ни за что не стал бы при всех объявлять себя внуком старейшины Сун Цинжуна.

— Всё верно, но теперь я женат, — ровным голосом ответил Чжиши.

«В прошлой жизни я так презирал Гу Хуая, что до смерти стыдился этого брака. Ни единой живой душе не обмолвился... Зато теперь это признание даётся так легко. Пусть это станет нашим маленьким негласным союзом»

По правде говоря, их отношения с Гу Хуаем в глазах традиционного общества действительно приравнивались к супружеским — пусть эта связь и не была скреплена печатью в загсе. Но начини он сейчас распространяться про старинный брачный союз мужчин — слухов и сплетен в ансамбле было бы не обернуться. Статус женатого человека, помимо прочего, избавлял от лишнего назойливого внимания.

— А-а, вон оно как, — закивал Чжоу Хэпин, у которого от удивления округлились глаза.

Для соседей всё мигом встало на свои места. Раз уж женился, то муж вполне мог прописаться у жены. Вот только в их представлении выходило, что красавец Сун пошёл в примаки — стал зятем, принятым в чужой дом. В те времена участь примачов была незавидной. Подумать только: утончённый городской господин взял в жёны простую деревенскую бабу и уехал в глушь...

Переглянувшись, Хэпин и Сутао преисполнились искренней жалости к новому товарищу. Они и близко не угадали правду. Родина избранника действительно была деревенской глухоманью, но вот женой там и не пахло.

Не подозревая, какие фантазии бушуют в головах парней, Чжиши поёжился от их слишком сочувственных взглядов. На коже даже выступили мурашки.

— Что-то не так? — недоуменно спросил он.

— Нет-нет, всё в порядке! — поспешно замахал руками Чжоу Хэпин, пытаясь приободрить его.
— Главное — не унывать. Жизнь ведь штука такая, всё обязательно наладится!

Чжиши вежливо, хоть и озадаченно, кивнул.

— Вы случайно не знаете, какой здесь распорядок дня и что входит в наши обязанности? — спросил Чжиши.

Пэн Сутао приехал раньше остальных и уже успел всё разузнать. Скрывать ценные сведения он не стал и охотно выложил всё как на духу:

— Подъём в половину седьмого утра. В семь сбор на плацу — бег, потом в полвосьмого завтрак. В восемь начинаются занятия. В одиннадцать обед, а с часу дня до четырёх — снова тренировки. Один выходной в неделю, можно съездить домой. Да и в будни отпускают ночевать за пределы части, надо только рапорт написать. Иногда отправляют с концертами по деревням и шахтам, но за это полагаются суточные и надбавки к жалованью...

Тут Сутао украдкой зыркнул на Чжиши, проверяя его реакцию. Убедившись, что тот слушает спокойно, он подытожил:

— В общем, у нас тут не армейский ансамбль, муштры нет, жить можно вполне припеваючи.

Чжиши согласно кивнул, а затем с любопытством спросил:

— А в каком жанре вы специализируетесь? Ну, какие направления танца представляете?

Ему хотелось понять, какие стили здесь в почёте, чтобы быстрее подстроиться под программу и досрочно получить статус постоянного артиста.

Услышав вопрос, Пэн Сутао растерянно почесал затылок:

— Да я, вообще-то, танцевать совсем не умею. Меня не за это взяли.

— Как так? — Чжиши опешил. Они ведь числились в балетной труппе!

Пэн Сутао не нашёл слов для объяснения. Вместо этого он молча отступил на середину комнаты и без лишних предисловий перешёл к делу.

Он плавно прогнулся назад, коснувшись ладонями пола и образовав идеальный мостик. Затем резко толкнулся ногами и мягко вышел в стойку на руках. Балансируя в воздухе, он начал медленно переступать ладонями по направлению к двери, выделявая при этом ногами

замысловатые пируэты.

Опустившись, он лёг на живот, выгнул спину кольцом и, дотянувшись руками до щиколоток, без малейших усилий сложился пополам, приняв форму гибкой капли.

Чжиши заворожённо наблюдал за этим представлением. Кто бы мог подумать, что этот крупный, широкоплечий парень обладает такой невероятной пластикой? Пожалуй, в гибкости он мог поспорить с любым профессиональным гимнастом.

Но на этом чудеса не закончились. Сутао поднялся на ноги, неуловимым движением извлёк откуда-то маленький шарик и подбросил его в воздух. Поймал, бросил снова, а в следующий миг в его руках оказался второй шарик, затем третий, четвёртый... Вскоре целая пригоршня разноцветных сфер замелькала в воздухе, сливаясь в сплошной пёстрый вихрь. Пальцы Сутао двигались с безупречной точностью и лёгкостью, а на лице блуждала спокойная, уверенная улыбка профессионала.

Поймав последний шар, парень мгновенно спрятал их в карман и бесхитростно улыбнулся:

— Я циркач, из бродячих акробатов! Когда капитан Чжу спросила меня на отборе про таланты, я ей прямо там всё это и показал.

Как выяснилось, Сутао был круглым сиротой. Его вырастил и обучил ремеслу хозяин бродячей труппы. В последние годы уличные представления перестали приносить доход, народ неохотно расставался с деньгами, и старшие товарищи посоветовали ему попытать счастья на госслужбе. На кастинг они пришли всей гурьбой, но строгий отбор прошёл только он один.

Выслушав эту историю, Чжиши и Сутао синхронно повернулись к Чжоу Хэпину.

Под их пристальными взглядами паренёк мгновенно залился густой краской. Он долго мялся, переступая с ноги на ногу, и наконец выдавил из себя:

— А я... Ну, если честно, я вообще танцевать не умею. Ни капли.

Сутао и Чжиши потеряли дар речи. В комнате повисла звенящая тишина.

Словно пытаясь реабилитироваться в глазах новых товарищей, Хэпин торопливо добавил:

— Зато я в нашей деревне на праздниках в барабаны бил! Целых три года! Это ведь... считается за хореографию, да?

Чжиши мысленно прижал руку к лицу.

Теперь ему стало предельно ясно, почему капитан Чжу Фанцзе смотрела на него на отборе с таким голодным, почти лихорадочным восторгом. Из троих принятых в труппу парней двое не имели к классическому танцу вообще никакого отношения! Пэн Сутао хотя бы обладал феноменальной растяжкой и координацией, а вот юный барабанщик Хэпин был абсолютным нулём. Балетная труппа ансамбля, похоже, представляла собой бутафорию, ширму для отчётности. Чжиши невольно засомневался, стоит ли ему вообще связывать свою жизнь с этой самодеятельностью.

О профессиональном уровне набранных девушек после этого даже думать не хотелось.

Чжиши вновь оценил взглядом своих будущих соседей.

Пэн Сутао — рослый, крепкий, за метр восемьдесят. Для классического балета он слишком массивен, но его физическая мощь, прекрасный баланс и акробатическая база могли сослужить отличную службу в народных или героических постановках.

Чжоу Хэпин — совсем ещё юный, невысокий, с мягкими, даже миловидными чертами лица. Если взяться за него всерьёз и погонять пару лет у станка, из него вполне можно вылепить приличного артиста кордебалета.

В голове Чжиши постепенно вырисовывался план действий.

— А я классический танцовщик, — мягко произнёс Чжиши. — Моя специальность — балет.

Не дожидаясь расспросов, он легко поднялся на полупальцы. Одним слитным, безупречным движением он вытянул ногу в арабеске и плавно закружился прямо посреди тесной комнаты. Сделав два безупречных пируэта, он завершил их парящим прыжком с глубоким шпагатом в воздухе. Движения его были настолько невесомыми и отточенными, словно земное притяжение на него не действовало.

Опустившись на пол без малейшего стука, Чжиши спокойно поправил тренировочную куртку, сохранив невозмутимое выражение лица, пока соседи стояли с разинутыми ртами.

В этот миг до Пэн Сутао и Чжоу Хэпина наконец дошло, почему капитан Чжу так отчаянно цеплялась за этого парня и пошла наперекор всем ради его зачисления.

Перед ними стоял настоящий мастер сцены. А они на его фоне выглядели как скоморохи с ярмарки.